

Глава 3. Русско-Китайский банк в 1895–1904 гг.

О Русско-Китайском банке в отечественной историографии до сих пор нет специального исследования. Первым о нём написал Б.А. Романов¹. Он раскрыл основную цель и обстоятельства его создания (С.90–92). Банк замышлялся как орудие политики С.Ю. Витте в Китае, инструмент для строительства КВЖД (С.111–113, 116–125), а также приобретения концессий в Маньчжурии и контроля за ними, особенно после боксёрского восстания (С.323–327, 370–375). Однако автор не объяснил феномен: каким образом французы, имея 5/8 акций, получили всего 3/8 мест в правлении и почему они безуспешно претендовали на то, чтобы банк стал орудием их политики (С.91, 484–485).

В 1974 г. появилась статья О. Крипп, основанная на французских материалах и рассказывающая о банке с французской точки зрения². По мнению автора, французы с самого начала планировали задействовать банк для решения своих задач на юге Китая, но столкнулись с сильным сопротивлением С.Ю. Витте. Однако на переговорах с А.Ю. Ротштейном, состоявшихся весной 1898 г. в Париже, решили, что сфера активности Русско-Китайского банка будет простираться до Шанхая, южнее станет действовать другой французский банк – «Индокитай».

Английская исследовательница Р. Квестед в 1977 г. опубликовала небольшую и единственную до сих пор в историографии книгу про Русско-Китайский банк, однако его ранней истории (до 1904 г.) в ней уделено немного места³. Автор использовала французские и немецкие документы, источником русских материалов для неё послужила книга Б.А. Романова. Р. Квестед рассматривает банк не столько как орудие в политике, сколько как крупнейшее кредитное учреждение на Дальнем Востоке в начале XX века, как серьёзное международное банковское предприятие.

---

¹ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

² Crisp O. Russo-Chinese bank: an episode in Franko-Russian relations // East European review. Vol.LII. №127. 1974, April. P.197–212.

³ Qvested R. The Russo-Chinese bank: a multi-national financial base of tsarism in China. Birmingham, 1977. 69 p.

Идея создания русского кредитного учреждения в Китае обсуждалась в Министерстве финансов с 1894 г. Нужда в таком банке обосновывалась строительством Сибирской железной дороги и грядущим развитием торговли и экономики на Дальнем Востоке. 14 июля 1895 г. министр финансов С.Ю. Витте впервые официально представил идею Николаю II, обусловив учреждение Русско-Китайского банка помимо уже упомянутых мотивов, обслуживанием китайского займа 1895 г.⁴ и интересами сближения двух стран. По замыслу С.Ю. Витте, новый банк должен был упрочить «русское экономическое влияние в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане»⁵. В докладе С.Ю. Витте обращает на себя внимание переплетение экономических и политических соображений. По-видимому, министр финансов также связывал новый кредитный институт с уже разрабатывавшимися планами сооружения в Китае русских железных дорог⁶.

Летом 1895 г. началась активная подготовка к созданию банка. По плану С.Ю. Витте его учредителями должны были стать Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк и ряд французских кредитных учреждений. 24 июня 1895 г., сразу после окончания переговоров о китайском займе, С.Ю. Витте в присутствии министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского сделал предложение об учреждении банка для работы в странах Азии ряду известных банкиров: Ф. Голдштейну, Э. Денорманди, Я. Штерну, барону Р. Готтингеру, Э. Нецлину и Р. Брису⁷. Банк замышлялся широко, для защиты обоюдных интересов и со значительными полномочиями. Директор Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка А.Ю. Ротштейн завершил переговоры об этом в Париже к 30 сентября⁸. Определив основной капитал банка в 6 млн.

---

⁴ Как раз в июне 1895 г. завершились переговоры С.Ю. Витте с группой французских банкиров о предоставлении Китаю займа для выплаты контрибуции по результатам японо-китайской войны 1894–1895 гг. Заём предоставлялся из 4% годовых под гарантии России на 100 млн. рублей золотом (Романов Б.А. Указ. соч. С.89–90). Подробнее об этом см.: Коряков В.П. Политика Франции в Китае в конце XIX в. М., 1985. С.65–83.

⁵ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 14 июля 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.38. Д.175. Л.67–69.

⁶ Во всеподданнейшей записке по поводу командирования Д.Д. Покотилова в Китай С.Ю. Витте заявил, что Русско-Китайский банк станет «весьма полезным орудием» правительства «при проведении последних мероприятий, имеющих ближайшее отношение к окончанию сооружения Сибирской железной дороги» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.600. Л.16–18; Романов Б.А. Указ. соч. С.92). Осторожность и туманность виттевских фраз объясняется тем, что в это время переговоры с Китаем о будущей КВЖД ещё только начались и не было ясно, чем они закончатся. Подробнее об этом см. главу 1 «Сибирская железная дорога и КВЖД».

⁷ Quested R. Op. cit. P.3.

⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.92

золотых рублей, С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейн настояли на том, что 5/8 акционерного капитала поступало из Франции, однако французы получали только 3/8 мест в правлении. Считается, что условия учреждения нового банка были блестящим успехом российского министра финансов. Но внимательное изучение обстоятельств позволяет усомниться в таком заключении.

Да, С.Ю. Витте получал в свои руки контроль за оперативным руководством банком (собрание акционеров, кстати, в любой момент могло воспротивиться диктатуре российского министра финансов). Однако уступчивость французов, несмотря на выражаемое ими желание, по словам Д.Д. Покотилова, «играть в банке первенствующую роль»⁹, объясняется, по-видимому, расчётом на фактическое управление делами нового банка. Действительно, местом пребывания главной конторы Русско-Китайского банка был выбран Шанхай, для организации его деятельности использовалась шанхайская контора «Comptoir National d'Escompte» вместе с её директором Вийемоном, который становился также одним из директоров – распорядителей создаваемого кредитного учреждения¹⁰. Правда, другим директором – распорядителем в Шанхае оказался российский подданный А. Верт. Помимо шанхайской конторы, в интересах России предполагалось учредить агенство банка в Тяньцзине (во главе с директором – распорядителем Д.Д. Покотилковым) и временную контору в Ханькоу на сезон чайной торговли (для содействия русским торговцам чаем)¹¹ под управлением А. Верта¹². Шанхай и Ханькоу – это Южный Китай, сфера интересов Франции, за которую она соперничала в основном с Англией. В Шанхае у России тогда не было даже консульства. По-видимому, французы надеялись направить активность нового банка на южные провинции Китая, где Россия имела минимальные интересы, связанные исключительно с чайной торговлей (Россия закупала в Китае около 2 млн. пудов чая в год), поэтому контора в Ханькоу и создавалась как временная.

⁹ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.91.

¹⁰ А.Ю. Ротштейн был крайне невысокого мнения о Вийемоне, полагая, что он «способен самостоятельно вести лишь магазин, торгующий сыром» и фактически выступал за его подчинение А. Верту (А.Ю. Ротштейн – Э. Нецлину 22 сентября 1895 г. // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М., 1996. С.96). Французы также пытались навязать некоего Ристельюбера в качестве сотрудника шанхайской конторы банка, но Д.Д. Покотиллов протестовал, желая, чтобы тот остался в Париже и обращение к его услугам произошло лишь в самом крайнем случае (Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 19 сентября 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.5–7).

¹¹ Д.Д. Покотиллов надеялся, что банк будет способствовать «здоровой конкуренции» среди посреднических фирм (Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 1 февраля 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.10. Л.25).

¹² В Ханькоу Д.Д. Покотиллов намеревался задействовать в интересах банка агентуру «Добровольного флота» (Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 14 января 1896 г. // Там же. Л.2–7).

Министерство финансов по договоренности с французами получало два места в правлении банка, одно из них занял товарищ министра П.М. Романов¹³, другое предполагалось предложить русскому купцу в Тяньцзине А.Д. Старцеву или владельцу пароходства на Дальнем Востоке М.Г. Шевелёву¹⁴.

Для переговоров с русскими предпринимателями, а также для изучения экономической обстановки в Китае туда с 1 сентября 1895 г. по 2 февраля 1896 г. был командирован чиновник Министерства финансов Д.Д. Покотилов. Несмотря на формально частный характер поездки, исправлявший должность министра иностранных дел Н.П. Шишкин просил русского посланника в Пекине А.П. Кассини всячески содействовать Д.Д. Покотилу¹⁵. Чиновник тщательно собирал сведения об экономике Китая, объездил немало провинций, уделяя особое внимание портовым городам. Об увиденном он составлял подробные отчёты и посылал их в Министерство финансов.

Идея сотрудничества с М.Г. Шевелёвым по делам банка была вскоре отвергнута Д.Д. Покотилу. После знакомства с ситуацией он сделал вывод, что дела пароходства М.Г. Шевелёва ведутся халатно и что предложение председателя правления Русско-Китайского банка Э.Э. Ухтомского использовать агентов М.Г. Шевелёва одновременно и как агентов нового банка невозможно: у него просто не было своих представителей в китайских портах¹⁶.

Когда в конце ноября 1895 г. Д.Д. Покотилов и А. Верг явились к А.Д. Старцеву с идеей открыть агенство Русско-Китайского банка в Тяньцзине, оказалось, что он уже был в курсе дела и не поддержал предложение, сразу заявив, что операции русских чаоторговцев в этом китайском порту «недостаточно велики», не в пример Ханькоу. Вообще характер и размах предприятия по-видимому вызвал у русского купца скептицизм. Он предложил гостям собственный план. А.Д. Старцев мыслил масштабнее: отделения банка следовало бы открыть во всех провинциях и крупных портовых городах Китая, иметь постоянный запас серебра для широкого кредитования коммерческих операций, также требовалось непременно добиваться перевода на счета нового банка таможенных платежей и получения крупных казённых подрядов от китайских властей. В завершение своих рассуждений он поведал Д.Д. Покотилу и А. Вергу о планах китайских властей, в частности своего друга чжилийско-

¹³ С.Ю. Витте выхлопотал специальное разрешение царя на участие П.М. Романова в руководстве банком, так как товарищу министра по должности было запрещено участвовать в правлениях акционерных банков.

¹⁴ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «О ходе дел по учреждению Русско-Китайского банка» 30 сентября 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.38. Д.175. Л.78–82.

¹⁵ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.907. Л.1.

¹⁶ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 19 декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.102–113.

го генерал-губернатора Ли Хунчжана создать китайский банк с привлечением иностранного капитала. По замыслу Ли Хунчжана, этот банк должен был конкурировать с англичанами, поэтому он приветствовал бы участие в нём русских капиталов¹⁷. В свете планов китайского сановника становится более понятной логика рассуждений и действий А.Д. Старцева. Ещё за месяц до приезда Д.Д. Покотилова и А. Верта он хлопотал перед А.Ю. Ротштейном о создании объединённого русского и китайского банков с общим капиталом в 5 или 10 млн. лан¹⁸. Позднее, уже в феврале 1896 г., когда Ли Хунчжан заехал в Тяньцзин перед своим визитом в Россию, разговор со А.Д. Старцевым был продолжен. Ли Хунчжан поставил вопрос более широко: он выступал за совместную работу русских и китайских капиталов, предлагал соединение Русско-Китайского банка с китайским пока на чисто коммерческих началах, без предоставления каких-либо особых прав и преимуществ. Эти размышления Ли Хунчжан делал на фоне общих перспектив сближения России и Китая против Англии и Японии¹⁹.

Тем временем в Петербурге события шли своим чередом. 10 ноября 1895 г. С.Ю. Витте представил Николаю II проект устава Русско-Китайского банка. Царь повелел обсудить его в соединённом присутствии Комитета Сибирской железной дороги и Департамента экономии Государственного совета при участии министра иностранных дел А.Б. Лобанова-Ростовского. 29 ноября 1895 г. устав был одобрен в заседании почти без дискуссии. Сведущие участники этого действия заметили, что цели и возможности банка были противоречивыми. С одной стороны, необходимость создания кредитного учреждения обосновывалась интересами русских чаоторговцев, с другой – банк наделялся широчайшим кругом полномочий, никак не связанных не только с торговлей, но и с обычной банковской деятельностью: приобретение товаров, страхование, получение концессий на сооружение железных дорог, приобретение недвижимости, эмиссия собственных денежных знаков. Стало очевидно, что за учреждением Русско-Китайского банка С.Ю. Витте скрывал политические цели.

Учредителями банка стали князь Э.Э. Ухтомский, Р. Брис (член правления Лионского кредита), статский советник И.Л. Гольштант, Р. Готтингер, Э. Денорманди, Э. Нецлин, А.Ю. Ротштейн, Я. Штерн. Формально банк получал статус акционерного с основным капиталом в 6 млн. рублей золотом, разделённым на 48 тыс. акций по 125 руб. каждая. Все акции были распределены между 92 держателями: от 20 (Г.Г. Дерикер) до 7355 (Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк). Крупные пакеты акций получили также банки Лионский кредит, Готтингер и К⁰, Парижская национальная учетная

¹⁷ Д.Д. Покотилев – П.М. Романову 1 декабря 1895 г. // Там же. Л.74–85.

¹⁸ А.Д. Старцев – А.Ю. Ротштейну 1 ноября 1895 г. // Там же. Л.86–87.

¹⁹ А.Д. Старцев – Э.Э. Ухтомскому 25 февраля 1896 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.2. Л.39–40.

контора, Парижско-Нидерландский банк – по 7325 акций. Физические лица имели меньше: от 20–25 до 500 (А.Ю. Ротштейн). Число голосов распределялось непропорционально числу акций. Так, владельцы уже 25 акций получали один голос, 75 – 2 голоса, 150 – 3, 250 – 4, обладателям более 250 акций предоставлялось по одному голосу за каждые 100 акций, однако одно лицо – как физическое, так и юридическое – не могло иметь более 20 голосов²⁰. Поэтому у хозяев самых крупных пакетов по 7325–7355 акций было всего по 20 голосов. В сумме получилось 289 голосов всех акционеров, из которых на физические лица, обладавших 7745 акциями (чуть более 16% от общего количества), приходилось 135 голосов из 289 (почти 47%). В результате мелкие держатели получали значительное влияние на собраниях акционеров²¹.

Но ещё важнее другое обстоятельство. Несмотря на то, что французы оплатили 5/8 акционерного капитала банка, они не располагали соответствующим количеством голосов (по моим подсчётам, они получили всего около 100). Русские акционеры имели примерно 125 голосов, остальные (около 60) принадлежали немцам. То есть, большинство (хотя и не абсолютное) на собрании акционеров принадлежало русским (читай – С.Ю. Витте). Французы, несмотря на вложение денег, не имели необходимого ресурса для принятия судьбоносных для банка решений. С другой стороны, значительное число голосов в руках частных акционеров и мелких корпоративных собственников ограничивали возможности министра финансов по использованию банка исключительно как политического инструмента, заставляя его считаться с интересами физических лиц, то есть добиваться высокой прибыльности и увеличения стоимости акций банка. Чистая прибыль банка по данным Министерства финансов в 1897 г. составила 737 970 руб.; в 1898 г. – 1 437 824 руб.; в 1899 г. – 1 564 138 руб. 78 коп.; в 1900 г. – 2 161 372 руб. 99 коп.²² И в дальнейшем успехи банка были очевидными. Даже в 1904 г., несмотря на начало русско-японской войны и значительные убытки отделений в Центральной Азии из-за хлопкового кризиса чистая прибыль всё равно составила 1 145 000 руб.²³

По-видимому, интересами мелких акционеров объясняется выплата вполне значительных дивидендов по акциям: 1897 г. – 7 руб. 50 коп., 1898 г. – 13 руб., 1899–1900 гг. – 15 руб.²⁴ Если учесть, что номинал акции был 125 руб.,

²⁰ Устав Русско-Китайского банка. СПб., 1901. Параграфы 43, 45.

²¹ Список акционеров Русско-Китайского банка, составленный для проведения собрания акционеров 9 января 1896 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.2. Л.1–2 об. См. приложение.

²² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.100.

²³ Отчёт по операциям Русско-Китайского банка за 1904 год. СПб., 1905.

²⁴ Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т.1. Харбин, 1923. С.20.

то годовой доход с неё получался уже в 1898 г. более 10%, а в 1899–1900 гг. – 12% (очень хорошим тогда считался ссудный процент в 8–10).

Такая двойственность в положении банка ставила перед ним и своеобразные проблемы. Реально управление оказалось разделено между С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейном. С.Ю. Витте диктовал банку политические задачи, всегда учитывая при этом необходимость получения доходов, а А.Ю. Ротштейн обеспечивал как их осуществление, так и чисто коммерческую деятельность, нацеленную на извлечение прибыли.

Именно А.Ю. Ротштейн давал установки по организации работы банка в Шанхае и Ханькоу. Он был против широкой и активной деятельности, «находя осторожность и скромность лучшим залогом успеха». На первых порах он сделал ставку на обслуживание чайной торговли: «в течение пары месяцев, пока в Ханькоу стоит сезон, всё способное порхать или ползать должно, – по мнению А.Ю. Ротштейна, – послать туда»²⁵. А.Ю. Ротштейн рассчитывал, что к началу сезона чайной торговли уставной капитал банка будет собран примерно наполовину, именно этой суммой он ограничил коммерческие операции²⁶. Осторожность продиктовала и решение о пределе выдаваемых банком кредитов суммой в 25 тыс. лан²⁷. Чайные операции стали на первых порах главным направлением деятельности банка. Попытка освоить другие сферы сталкивалась с серьёзными затруднениями. Первоначально большой интерес вызывали операции по торговле российским керосином в Китае, несмотря на сильную конкуренцию со стороны американских и голландских фирм. Однако специальная программа, разработанная Министерством финансов для продвижения русского керосина на китайский рынок (приобретение специальных складов и цистерн, распространение ламп и горелок и т.п.), не заинтересовала бакинских нефтепромышленников²⁸. Имелись и другие причины отказа от большой керосиновой программы. Так, сделки с керосином давали невысокий процент, а русские купцы не торговали, если прибыль составляла менее 15–20%²⁹.

В целом, на первых порах чисто коммерческие операции превалировали в деятельности Русско-Китайского банка. А.Ю. Ротштейн при понимании и

²⁵ А. Ротштейн – Э. Нецину 22 сентября 1895 г. // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М., 1996. С.96.

²⁶ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 24 января 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.600. Л.172–174. Д.Д. Покотилов цитировал депешу А.Ю. Ротштейна от 23 декабря 1895 г.

²⁷ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 27 декабря 1895 г. // Там же. Д.9. Л.125–125 об. 1 лан – это чуть более 1,4 руб. при пересчёте на золото.

²⁸ Фурсенко А.А. Первый нефтяной синдикат в России (1893–1897) // Монополии и иностранный капитал в России. М.:Л., 1962. С.50–55.

²⁹ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 27 декабря 1895 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.9. Л.124 об. Подробнее об этом – в главе 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочарывающая реальность».

поддержке С.Ю. Витте стремился избежать того, чтобы банк оказался лишь финансовым инструментом для достижения политических целей, и в целом это ему удалось. Именно такой подход позволил банку состояться как серьёзному финансовому институту, просуществовавшему несколько десятилетий, невзирая на бурные события на Дальнем Востоке. Кроме того, на отделения и агентства банка в Китае и Японии приходилось не более 30% всего оборота, две трети его происходило в Париже, Петербурге и Москве, что также придавало большую устойчивость этому кредитному учреждению³⁰.

За созданием банка и началом его деятельности настороженно следили китайские власти. По-видимому их реакцией на появление Русско-Китайского банка стала подготовка близким Ли Хунчжану даотаем Шёном в начале 1897 г. плана организации собственного акционерного банка на европейских началах, того самого, о котором А.Д. Старцев сообщил ещё в конце 1895 г. Активность китайцев в свою очередь встревожила С.Ю. Витте, опасавшегося конкуренции, поэтому русский посланник получил 27 марта 1897 г. поручение добиваться, чтобы чтобы все будущие привилегии нового китайского банка получил и Русско-Китайский банк³¹.

Кроме того, Министерство финансов стремилось вне зависимости от ситуации с учреждением китайского банка, добиться от пекинских властей разрешения проводить через Русско-Китайский банк таможенные платежи. Интерес здесь был двояким: допуск к этим потокам денег позволял отчасти контролировать их, кроме того, для банка это являлось верным источником заработка. Именно с такими просьбами в столицу Срединной империи весной 1897 г. отправился князь Э.Э. Ухтомский. Однако китайцы отвечали уклончиво, обещая лишь рекомендовать даотаям вступить в контакт с местными отделениями Русско-Китайского банка³². Российским властям хотелось ввести в полосу отчуждения КВЖД в качестве местных денег билеты Русско-Китайского банка, на что также требовалось получить разрешение Пекина³³.

Возможно, что эти же обстоятельства подтолкнули С.Ю. Витте к быстрому расширению деятельности банка (впрочем, это принципиально не противоречило осторожности А.Ю. Ротштейна). Было значительно увеличено число подразделений Русско-Китайского банка, причем не только в Китае, но и на

³⁰ Отчёт по операциям Русско-Китайского банка за 1897–1904 гг. СПб., 1898–1905. Он издавался ежегодно. К сожалению, анализ этих отчётов мало помогает в исследовании деятельности банка, так как в нём зафиксирован оборот средств по различным операциям и лишь с 1902 г. – баланс счетов. Совершенно не расписана ни собственность банка, ни его участие в других акционерных обществах.

³¹ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.907. Л.108.

³² Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 8 июня 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.35. Л.147.

³³ Перечень вопросов, подлежащих выяснению в Пекине через князя Ухтомского и инженера Циглера (доложены Николаю II 14 марта 1897 г.) // Там же. Л.74–76.

русском Дальнем Востоке. 15 мая 1897 г. отделение Русско-Китайского банка открылось в Пекине в здании бывшего корейского посольства. Само размещение отделения банка в здании, принадлежавшем правительству, где ранее находилась дипломатическая миссия, свидетельствовало об особом отношении к нему китайских властей, их покровительстве. В глазах китайцев это означало полное доверие к банку³⁴. На церемонии присутствовал Э.Э. Ухтомский, встреченный очень торжественно. Более того, князь получил аудиенцию у китайского императора, что выражало исключительное уважение к гостю.

В это же время В.Ю. Гроту было поручено добиваться предоставления на подставное лицо концессии на разработку рудников в Монголии для Русско-Китайского банка через китайского амбана в Урге³⁵. В целом Д.Д. Покотилов призывал Петербург активизировать коммерческую деятельность банка, предлагая не искать привилегий, а обслуживать заём 1895 г. и энергично заниматься внешней торговлей. Д.Д. Покотилов резонно полагал, что китайское правительство, вложив по условиям русско-китайского договора о КВЖД 22 мая 1896 г. 5 млн. таэлей в банк³⁶, будет заинтересовано в его доходах и соответственно станет способствовать операциям кредитного учреждения³⁷. Д.Д. Покотилов также выступал за расширение действий банка, связанных исключительно с русскими интересами. Так, он намеревался перевести в Русско-Китайский банк все денежные расчёты российского флота на Дальнем Востоке. По-видимому, частью этих планов по расширению своих операций на севере Китая было создание в июне 1897 г. синдиката для эксплуатации богатств Монголии («Монголора») при активном участии Русско-Китайского банка³⁸. Также в 1897 г. Русско-Китайский банк принял участие в Англо-русской компании, приобретя сначала половину её акций, а в начале 1902 г. – 90%. Это акционерное общество учредили для получения прав на

³⁴ Корсаков В.В. В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае. СПб., 1904. С.211.

³⁵ Выписка из частного письма А.И. Павлова 2 июня 1897 г., сделанная для Николая II // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.106. Л.123124.

³⁶ Взяв их, по-видимому, из займа 1895 г. (Quested R. Op. cit. P.9).

³⁷ Дополнение к донесению Д.Д. Покотилова, б/д. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.601. Л.9–15.

³⁸ Однако дела Русско-Китайского банка в Монголии пошли неважно: «были большие расходы, большие затеи и полная непригодность к местным условиям». После боксёрского восстания 1900 г. «Монголор» на время прекратил деятельность, а отделение банка в Урге переключилось на кредитование монголов. Не зная местных обычаев и не имея сотрудников, свободно владевших монгольским языком, служащие оказались не в состоянии справиться с массовым предъявлением фальшивых документов и печатей. К 1908 г. отделение имело убыток в 300 тыс руб. и встал вопрос о его закрытии (Протокол заседания Общества востоковедов 27 мая 1911 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №5. Л.19–20).

горные разработки в Маньчжурии³⁹. С 1897 г. значительно активизировалась деятельность Русско-Китайского банка и на русском Дальнем Востоке, в частности, в Иркутске и Благовещенске. А начало масштабных геологоразведочных и изыскательских работ в связи со строительством Транссибирской магистрали и КВЖД обещало ещё больший рост операций банка⁴⁰.

В 1897 г. стало очевидно, что деятельность Русско-Китайского банка быстро и неуклонно смещается в Северный и Центральный Китай, а также на русский Дальний Восток, то есть банк становился в политическом смысле инструментом для защиты исключительно российских интересов. Французы сильно забеспокоились. На исходе лета 1897 г. Париж потребовал ввести в правление Русско-Китайского банка одного представителя французского Министерства финансов, увеличить число служащих – французов, открыть отделение банка южнее Гонконга, разграничив его действия с «Banque de l'Indochine» линией Шанхая, и внести в название банка слово «французский»⁴¹. Сильное недовольство в Париже вызывала деятельность А. Верга, которого обвиняли в преследовании «французских элементов банка»⁴². Французы также не верили А.Ю. Ротштейну, подозревая его в прогерманских симпатиях⁴³. С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейн были согласны уступить только в части требований, например, увеличить число служащих – французов. Д.Д. Покотилов, не возражая в принципе против расширения операций банка на юге Китая и открытия там ещё одного отделения, недоумевал, зачем французы создают конкуренцию своему банку «Индокитай»⁴⁴. А. Верг заявил, что молодому Русско-Китайскому банку «неблагоразумно разбрасывать силы». На жалобы Д.Д. Покотилова, что им навязывают ещё и «генерального секретаря» в Париже и инженера в Китае, С.Ю. Витте ответил категорической резолюцией: «Если банку невыгодно, не следует и делать»⁴⁵. Аналогичную позицию занял и А.Ю. Ротштейн, усмотрев в требованиях французов желание министра иностранных дел Франции Г. Аното прибрать этот финансовый институт к своим рукам: «Русско-Китайский банк в этом совершенно не нуждается»⁴⁶.

³⁹ Л. Грауман – К.М. Иогансону 27 августа 1903 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.88–89. Вследствии Англо-русская компания была приобретена Маньчжурским горнопромышленным товариществом за 500 тыс. руб.

⁴⁰ А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 24 сентября 1897 г. // Там же. Д.601. Л.41–44.

⁴¹ Там же. Д.782; Романов Б.А. Указ. соч. С.485.

⁴² Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 20 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.774. Л.29–30.

⁴³ Quested R. Op. cit. P.10.

⁴⁴ Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 4 сентября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.13. Л.93–94.

⁴⁵ Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 12 сентября 1897 г. // Там же. Л.95–96; Романов Б.А. Указ. соч. С.485.

⁴⁶ А.Ю. Ротштейн – Ф. Нотгафту 28 июля 1897 г. // Россия и мировой бизнес... С.111.

Вслед за С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейном осмелел и Д.Д. Покотилов: «Я полагал бы необходимым заявить французам, чтобы они оставили нас в покое и если они не довольны деятельностью Русско-Китайского банка, то пускай основывают свой собственный и ожидают тех же успехов, которых добились, закрывши “Comptoir National” в Шанхае»⁴⁷. Вследствие жёсткой позиции русских французы не добились почти ничего. С.Ю. Витте только согласился ограничить сферу деятельности Русско-Китайского банка до Шанхая⁴⁸. Вообще их стремление направить банк на юг Китая не совсем понятно. Возможно, это объяснялось нежеланием соперничать с англичанами на севере и в центре Китая в интересах России. Впрочем, сам факт давления на английские интересы был тогда французам только на руку, правда, без их прямого участия.

Оборотной стороной поражения французов Явилось усиление влияния С.Ю. Витте на Русско-Китайский банк, то есть политические цели стали оказывать более заметное воздействие на его деятельность. Для подкрепления своего влияния С.Ю. Витте сосредоточивал в Министерстве финансов акции Русско-Китайского банка. Первые приобретения он совершил ещё в 1896 г., в итоге к середине 1898 г. в казначействе находились уже 5 пакетов акций (700, 1060, 500, 1612 и 349), что в сумме давало 4222 акции⁴⁹. Это было не так много, менее 10% всех акций (48 000), но всё-таки казначейство уже обладало весомой долей. У кого приобрелись эти акции, точно не известно. Р. Квестед, ссылаясь на письмо Э. Нецлина Г. Аното 9 июля 1897 г. полагает, что в 1897 г. российское Министерство финансов скупило у французских держателей 6000 акций банка⁵⁰. Но в справке о приобретении бумаг Русско-Китайского банка казначейством за 1897 г. отражена лишь одна сделка: 1612 акций были куплены за 385 991 руб. 30 коп. Зато за три предыдущих покупки, совершённые в 1896 г., казначейство расплатилось франками, получив в общей сложности 2609 акций за 648 500 франков⁵¹. Есть все основания думать, что эти акции получили от французов, но их насчитывалось не 6000, а всего 2609. Как бы то ни было, но соотношение голосов на общем собрании акционеров явно изменилось в пользу русских. Косвенно это подтверждает та лёгкость, с которой С.Ю. Витте удалось в конце июня 1898 г. провести решение о дополнительной эмиссии акций банка (12 тысяч штук, и все они были приобретены Министерством финансов по 230 руб. за акцию).

⁴⁷ Д.Д. Покотилов – А.И. Путилову 20 октября 1897 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.774. Л.29–30.

⁴⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.486.

⁴⁹ РГИА. Ф.565. Оп.10. Д.39381. Л.1, 9–12, 78; Романов Б.А. Указ. соч. С.236.

⁵⁰ Quedest R. Op. cit. P.6.

⁵¹ РГИА. Ф.565. Оп.10. Д.39381. Л.77–78.

События лета 1898 г. можно рассматривать как окончательную капитуляцию французов. С.Ю. Витте благодаря эмиссии добился полного контроля за деятельностью банка. Русские держатели имели не менее 30 тыс. акций из 60 тыс. выпущенных, а кроме того – несомненный перевес в голосах на собрании акционеров. Это позволило С.Ю. Витте увеличить число членов правления с 9 до 11, причём все они утверждались Министерством финансов. Заявление же С.Ю. Витте о необходимости усилить влияние правления на деятельность банка свидетельствовало, что банк уже рассматривался им в качестве структуры, подведомственной Министерству финансов России⁵². Это обстоятельство не устранило коммерческую сторону деятельности банка, но С.Ю. Витте явно готовил его к выполнению масштабных задач прежде всего политического характера. Однако министр финансов продолжал серьёзно считаться с интересами французских партнеров, как мелких акционеров, так и представителей крупных французских банков. За этим помимо прочего стояла забота С.Ю. Витте о репутации русского кредита во Франции в целом.

Несмотря на то, что банк был призван служить орудием проникновения России в Центральный и даже Южный Китай, он действовал весьма осторожно. В различные операции (займы, концессии) его втягивали сами китайцы. В мае 1898 г. по желанию властей Шаньси Русско-Китайский банк заключил с ними контракт на выпуск займа для сооружения железной дороги Чжендиньфу–Тайюаньфу (юго-западнее Пекина). Ещё было участие вместе с франко-бельгийским синдикатом «Société Financière et Industrielle Belge en Chine» в сооружение дороги Пекин–Ханькоу (банк был посредником синдиката в операциях в Китае). Он также вёл в это время (1898 г.) переговоры с германским синдикатом азиатских дел, где речь шла о займе на строительство железной дороги от Тяньцзина до нижнего течения р. Янцзы. Банк настаивал на том, чтобы все магистрали к северу от р. Хуанхэ вошли бы в исключительную сферу русского влияния⁵³. Скрамность участия Русско-Китайского банка в операциях на юге Китая можно объяснить нежеланием вкладывать туда крупные деньги, которых у России было совсем не много. Деятельность банка в Китае в сфере железнодорожного строительства показала, что стремление С.Ю. Витте контролировать все предприятия такого рода хотя бы к северу от

⁵² Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 3 июля 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.52. Л.232–233.

⁵³ Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в трёхлетие 1898–1900 гг. СПб., 1902. С.3. Контракт был заключён 5 мая 1898 г., подтверждён цзун-ли-ямьнем и указом богдыхана 9 (21) мая 1898 г. Согласно документу, банк брался организовать строительство этой железной дороги, для чего выдавал заём в 25 млн. франков. В случае несвоевременной уплаты процентов по займу магистраль переходила из рук китайского управления банку (Справка о предприятиях в Китае, в которых участвует Русско-Китайский банк // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.25–26).

Пекина – утопия, так как на пути её осуществления стояли интересы как китайского правительства, так и других держав. Помимо отсутствия достаточных финансовых ресурсов, эта программа из чисто экономической плоскости немедленно переходила в политическую, как только кто-либо начинал претендовать на монопольное положение в значительной части Китая.

Вскоре, 24 июля 1898 г. С.Ю. Витте утвердил соглашение Русско-Китайского банка с Департаментом государственного казначейства Министерства финансов⁵⁴. Это соглашение устанавливало принципы их отношений. Казначейству открывался счёт, банк обязался выполнять любые его распоряжения о перечислении средств вне зависимости от сумм, находившихся в данный момент на счёте. Операции эти проводились без всякого вознаграждения, за исключением экспедиции, за которую начислялась компенсация в 0,25% от перевозимой суммы. Надо сказать, что такое сотрудничество было выгодно банку, так как казначейство постоянно держало на его счетах около 1,5 млн. руб., что приносило гарантированный доход в 60 тыс. руб. в год⁵⁵.

Расширение операций и функций Русско-Китайского банка было также связано с захватом Россией Порт-Артура, где банк при активной поддержке Министерства финансов сразу занял монопольное положение. Пользуясь им, банк диктовал свои, зачастую весьма жёсткие условия обслуживания клиентов. Так, в Порт-Артуре была установлена самая дорогая ссуда (8%, 1899 г.), завышена на 3% по сравнению с Владивостоком стоимость процентных бумаг при их продаже, введён принудительный и невыгодный для клиента, терявшего 2,5%, курс обмена японских иен из-за отказа принимать их при уплате за перевозку грузов⁵⁶. Также банк ничего не платил клиентам по текущим счетам, много брал за переводы, не принимал страховок выигрышных билетов, отказывался хранить ценные бумаги⁵⁷. С.Ю. Витте настоял ещё и на том, чтобы кредитное учреждение получило монопольное право на операции с недвижимостью на Ляодунском полуострове⁵⁸. Русско-Китайский банк занялся форменной спекуляцией, скупая объекты недвижимости по дешёвке и перепродавая их втридорога. Используя казённые средства, банк к лету 1898 г. приобрёл там земли

---

⁵⁴ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.1–4. В урезанном виде (6 статей из 10) текст соглашения был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» (1898. 15 сентября. С.5457–5458).

⁵⁵ М.Д. Дмитриев – И.П. Шипову 28 октября 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.73–75.

⁵⁶ Д.И. Субботич – А. Верту 17 июля 1899 г. и ответ А. Верта 19 июля 1899 г. // Там же. Л.67–72.

⁵⁷ Д.И. Субботич – А.Н. Куропаткину 16 января 1899 г. // Там же. Л.41.

⁵⁸ С.Ю. Витте – П.П. Тыртову 11 июля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1711. Л.265–268. Николай II дал согласие 22 марта 1898 г.

на 1 млн. лан⁵⁹. Д.Д. Покотилов, признавая подобный характер действий банка не вполне корректным, тем не менее, цинично заявлял, что таким образом банк заставил военных считаться со своими интересами и положил конец бесполовым распоряжениям собственностью с их стороны⁶⁰. Попытки Военного министерства хотя бы контролировать торговлю недвижимостью были отклонены министром финансов⁶¹.

Жалобы на действия Русско-Китайского банка имели мало эффекта. С.Ю. Витте защищал банк, выдавая его за частное кредитное учреждение, действующее исключительно в своих интересах. Раз начисление процента по текущим счетам невыгодно банку «с коммерческой точки зрения» – то зачем же платить? Страхование выигрышных билетов, по мнению министра финансов, – операция слишком рискованная (!) и поэтому «несвойственная» Русско-Китайскому банку. Однако С.Ю. Витте всё-таки принял меры, ограничивающие банковский произвол в Порт-Артуре⁶². Он счёл некоторые условия обслуживания клиентов чрезмерно суровыми и лично установил («частному» коммерческому банку!) выплату процента (от 2 до 3,5) по текущим счетам в зависимости от срока вклада⁶³. Однако другие пожелания Военного министерства, в частности, ввести процент за хранение ценных бумаг, были отклонены⁶⁴. Естественно, что без вмешательства министра финансов договориться не удалось, в результате Русско-Китайский банк требовал 30 коп. за хранение листа ценных бумаг, что было невыгодно мелким держателям⁶⁵.

Эта переписка Военного министерства с С.Ю. Витте свидетельствует, что министр финансов не стеснялся использовать двойственное положение Русско-Китайского банка. Когда раздавались жалобы и упреки, он немедленно ссылался на частный характер банка⁶⁶, что, впрочем, не мешало

⁵⁹ П.М. Романов – Д.Д. Покотилу 22 мая 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.65. Л.105.

⁶⁰ Д.Д. Покотилов – в Министерство финансов 4 июля 1898 г. // Там же. Д.11. Л.204–208.

⁶¹ А.Н. Куропаткин – П.П. Тыртову 13 июля 1898 г. // РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1712. Л.9; С.Ю. Витте – Ф.К. Авелану 16 июля 1898 г. // Там же. Л.10.

⁶² Резолюция С.Ю. Витте // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.40.

⁶³ С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину (отпуск) 25 января 1899 г. // Там же. Л.46–48.

⁶⁴ Там же. Л.49, 51–52.

⁶⁵ Там же. Л.53–54.

⁶⁶ Так же С.Ю. Витте действовал и в отношении Министерства иностранных дел. Исследователи часто ссылаются на его письмо М.Н. Муравьеву, в котором министр финансов в ответ на вопрос коллеги о целях России в Центральном Китае, ответил ему, что необходимо защищать интересы французских акционеров Русско-Китайского банка (имея в своих руках контрольный пакет акций!), желавших максимально широкой сферы деятельности кредитного учреждения, в том числе и южнее Пекина (С.Ю. Вит-

С.Ю. Витте прямо диктовать ему те или иные действия в интересах проводимой им политики. Обратной стороной такой ситуации стало привилегированное положение Русско-Китайского банка, вызывавшее неудовольство клиентов и, вероятно, удовлетворение акционеров высокими дивидендами. Но такие действия банка затрудняли развитие русского предпринимательства на Дальнем Востоке, никак не смягчали проблему нехватки капиталов в регионе и в результате придавали всем якобы частным инициативам плохо скрытый государственный характер. Ставка С.Ю. Витте на эффективную деятельность казённых капиталов благодаря их концентрации и объёму в итоге не принесла того успеха, на который рассчитывал министр финансов. Впрочем, общую неудачу нельзя вменить в вину только С.Ю. Витте, так как исход дела определялся недостаточностью российских финансовых ресурсов в целом для реализации столь амбициозных замыслов. Но надо признать, что эффективность деятельности Русско-Китайского банка была не настолько высока, чтобы отдать этому кредитному учреждению безусловную пальму первенства в сравнении с частным капиталом. Показательно, что как только банк попал в привилегированное положение в Маньчжурии в связи с русской оккупацией, его действия сразу стали вызывать массу нареканий, и никакие попытки решить эту проблему из Петербурга не приводили к видимому успеху. С.Ю. Витте попал в парадоксальное положение: он был вынужден защищать одновременно и интересы Русско-Китайского банка, и казначейства, которые зачастую вступали в противоречия.

Несмотря на некоторые уступки, продиктованные С.Ю. Витте, военные продолжали выражать сильное неудовольствие операциями банка на Квантуне. А.Н. Куропаткин сообщил С.Ю. Витте, что Русско-Китайский банк при покупке земли берёт, кроме 2% комиссионных, 2% куражных и еще 6% годовых до момента уплаты банку израсходованных им денег⁶⁷. Отчаявшийся главный начальник Квантунского полуострова Д.И. Субботич, продолжая ссылаться на крайние трудности, создаваемые Русско-Китайским банком в получении кредитов и совершении любых денежных операций, просил открыть в Порт-Артуре отделение Государственного банка или создать банк, который

те – М.Н. Муравьеву 17 января 1899 г. // Там же. Д.801. Л.66–69; Романов Б.А. Указ. соч. С.217–218, 226–228). С.Ю. Витте слухавил минимум дважды: первый раз – когда сослался на необходимость следовать интересам французских акционеров – к тому времени они уже не могли ничего диктовать банку; второй – когда заявил об интересах банка южнее Великой китайской стены – эти «интересы» состояли в погоне за железнодорожными концессиями, не сулившими прибыли; занимался этим банк по распоряжению министра финансов.

⁶⁷ А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 15 июня 1899 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.53–54.

принадлежал бы городской администрации⁶⁸. 9 января 1900 г. А.Н. Куропаткин передал С.Ю. Витте ходатайство о том же местного купечества⁶⁹. После полугодового размышления Министерство финансов 3 июля 1900 г. ответило отказом⁷⁰. Банк же, естественно, настаивал на сохранении своей монополии на денежные операции в русской части Ляодуна⁷¹. Только в 1901 г. С.Ю. Витте распорядился прекратить казначейские операции Русско-Китайского банка в Инкоу, Куанченцзы и Харбине⁷².

Что же касается политических целей, то здесь банк беспрекословно выполнял все распоряжения С.Ю. Витте. Так, с целью создать хоть какую-то зависимость и привязать к себе предполагаемое совершенно независимо от России сооружение железной дороги Тяньцзинь–Пекин, он выдал руководителю строительства магистрали Ху Юйфыну займы сначала на 200, а затем на 400 тыс. лан на весьма льготных условиях: на 4 года под 6% годовых. Главным в этих займах было обещание не закладывать эту строящуюся дорогу, а уж если придется, то предварительно погасив долг банку⁷³.

С 1898 г. активность Русско-Китайского банка быстро росла не только в связи с захватом Порт-Артура. Расширился объём его операций в самых разных направлениях. Так, к началу 1898 г. банк получил право покупать у китайцев намытое ими на приисках золота, что давало возможность не только привлечь приток благородного металла в Россию, но и получать от этих сделок неплохую прибыль: от 2 до 6%⁷⁴.

Деятельность банка в Китае не только расширилась, но и начала приобретать принципиально иной характер. Показательно, на что именно замахивалось это кредитное учреждение. Летом 1899 г. Русско-Китайский банк (прежде всего в лице А. Верта) разрабатывал проект своего участия в денежной реформе в Китае. Согласно плану, банк на 50 лет становился единственным эмиссионным центром чеканки китайской монеты, имея разрешение выпустить её в оборот на сумму не более 75 млн. лан (бумажное обращение при этом никак не привязывалось к металлическому). За это право пекинскому правительству

⁶⁸ РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1712. Л.374.

⁶⁹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.80.

⁷⁰ Там же. Л.97.

⁷¹ Д.Д. Покотиллов – И.Н. Протасьеву 2 мая 1900 г. // РГИА. Ф.1416. Оп.1. Д.13. Л.24–26. Правда, в данном случае речь шла о возможной конкуренции Русско-Китайскому банку только со стороны китайских кредитных учреждений.

⁷² РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.812. Л.99–100.

⁷³ Там же. Оп.29. Д.128. Л.23–26; Романов Б.А. Указ. соч. С.210. Подробнее см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

⁷⁴ А. Масленников – А.Ю. Ротштейну 2 января 1898 г. // РГИА. Ф.632. Оп.1. Д.182. Л.1–4.

предоставлялся заём в 25 млн. лан со сроком погашения в 50 лет и пятилетней отсрочкой платежей.⁷⁵ Статус эмиссионного учреждения не был присущ обычному коммерческому банку, но он нередко встречался у колониальных банков. В случае же с Русско-Китайским банком такие планы превратили бы кредитное учреждение в один из стержневых элементов финансовой системы Китая в целом.

Быстро росло и число представительств банка. В 1901 г. уже имелось 31 отделение и 10 агентств, к началу 1904 г. число отделений достигло 45. Представительства банка открывались, исходя из масштаба местных торговых операций и потребности в их банковском обслуживании. Так, в ответ на просьбу Министерства иностранных дел открыть в Чугучаке (Синьцзян) отделение банка, С.Ю. Витте 28 апреля 1901 г. ответил, что он не будет рекомендовать сделать это, потому что коммерческие результаты такого шага пока неясны⁷⁶.

К 1900 г. огромное значение приобрело пекинское отделение банка. Оно стало своеобразным центром русской политики в Маньчжурии: отделение само улаживало многие дела в Пекине, а уже потом они направлялись местным властям как решения китайского правительства. Министерства постоянно держали на счетах банка 2–3 млн. лан, что приносило ежегодный доход не менее 50 тыс. лан. А. Верт рассчитывал на более значительный приток капиталов, однако этого не произошло⁷⁷.

Одной из причин относительной неудачи явились проблемы с руководством пекинским отделением Русско-Китайского банка. Заведовал им Д.Д. Покотиллов. Как чиновник он не обладал профессиональными знаниями в области финансов. Ещё в 1896 г. Д.Д. Покотиллов жаловался А.Ю. Ротштейну на тягость «банковских обязанностей», однако получил ответ, что от него ждут не банковских знаний, а осведомленности в китайских делах⁷⁸. Помимо этого, он не всегда мог точно оценить обстановку в Китае, иногда принимал поспешные и малопродуманные решения, избегая при этом личной ответственности. Д.Д. Покотиллов также имел неуживчивый характер, часто конфликтовал с другими сотрудниками. 8 мая 1898 г. в помощники к нему был назначен другой чиновник Министерства финансов Д.М. Позднеев, выехавший в Пекин из Москвы 20 июля 1898 г.⁷⁹ Отношения Д.М. Позднеева и Д.Д. Покотилова складывались очень непросто.

⁷⁵ Проект соглашения // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.128. Л.105 и далее.

⁷⁶ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.10.

⁷⁷ Д.М. Позднеев – А.М. Позднееву 16 февраля 1900 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №112. Л.172.

⁷⁸ П.М. Романов – Д.Д. Покотиллову 17 мая 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.65. Л.2–3.

⁷⁹ С.Ю. Витте – М.Н. Муравьёву 24 июля 1898 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.907. Л.86–87.

Д.М. Позднеев упрекал своего начальника в непрофессионализме, в том, что он пускает пыль в глаза Петербургу, не умея ни широко поставить дела, ни привлечь в Русско-Китайский банк значительные капиталы, к тому же мешая делать это другим⁸⁰. Он также жаловался, что Д.Д. Покотилов совершенно сковывает его действия, лишает всякой инициативы, требуя мелочной отчётности и согласований. В декабре 1899 г. Д.М. Позднеев даже подал Д.Д. Покотилу прошение об увольнении. Конфликт был в конце концов улажен, Д.Д. Покотилу прошение не подписал, но ситуация в управлении отделением оставалась далека от идеальной⁸¹.

Проблемы руководства существовали и в других отделениях банка. Так, в Японии чиновники банка отличались поразительной доверчивостью, часто веря клиенту на слово и принимая неподтверждённые гарантии. В итоге русскому посланнику А.П. Извольскому нередко приходилось отстаивать интересы банка в сомнительных сделках. Так, осенью 1902 г. вспыхнул скандал в связи с отказом японского «130 банка» вернуть ссуду в 200 тыс. иен, ссылаясь на то, что документы о кредите подписывал сотрудник, не имевший на это права. А.П. Извольскому с трудом, используя прямое давление на японское правительство, удалось добиться благоприятного решения суда и возврата кредита, после чего он и агент Министерства финансов в Японии К.А. Алексеев потребовали от Петербурга смены руководства отделения Русско-Китайского банка⁸².

Отделения Русско-Китайского банка в Китае быстро обросли сетью всевозможных посредников, занимавшихся грязной коммерцией. Так, в Тяньцзине с местным отделением банка сотрудничал некий компрадор Ван Линьхуай. Для китайских клиентов он устраивал свой, завышенный почти в два раза ссудный процент (15–20 вместо 9–12), открыл две банковские конторы, скупавшие русские кредитные билеты у купцов из Инкоу по заниженному курсу и затем предъявлявшие их в отделение Русско-Китайского банка⁸³. Также Ван Линьхуай был изобличен в массовой подделке векселей⁸⁴.

⁸⁰ Д.М. Позднеев – А.М. Позднееву 16 февраля 1900 г. // ОР РНБ. Ф.590. Оп.1. №112. Л.174.

⁸¹ Д.М. Позднеев – А.М. Позднееву 1 декабря 1899 г. и 29 января 1900 г. // Там же. Л.143–145, 147–149.

⁸² К.А. Алексеев – А.И. Путилову 8 ноября 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.602. Л.134–142. Однако мера не помогла. В 1913 г. в Иокогаме отделение уже Русско-Азиатского банка опять выдало крупную ссуду под фальшивые накладные, после чего встал вопрос о его закрытии (Н. Малевский-Малевич – С.Д. Сазонову 31 мая 1914 г. // Там же. Д.603. Л.204–205).

⁸³ В.А. – Л.Ф. Д[авыдову] 30 ноября 1904 г. (нового стиля) // Там же. Оп.29. Д.29. Л.173–174.

⁸⁴ Письмо 2 декабря 1904 г. (нового стиля) // Там же. Л.175.

Значительные изменения в деятельности банка начались в 1900 г. в связи с боксёрским восстанием в Китае. Его подавление с помощью вооруженной интервенции великих держав и русская оккупация Маньчжурии привели к тому, что китайские власти северных провинций империи лишились многих рычагов управления и попали в полную зависимость от российских военных, не имея возможности эффективно бороться даже с обычными бандитскими шайками хунхузов. Помимо прочего, Китай на время погрузился в совершенный хаос. Естественно, что восстановление элементарного порядка в Маньчжурии большей частью легло на плечи российских офицеров и чиновников, а многие вопросы финансовой жизни были переданы Русско-Китайскому банку⁸⁵.

С конца 1900 г. китайским губернаторам в Маньчжурии пришлось обращаться в Русско-Китайский банк за займами. По-видимому, первым стал мукденский цзянь-цзюнь. Д.Д. Покотиллов согласился предоставить губернатору 200 тыс. лан⁸⁶. Вслед за мукденским за помощью к России обратился и гиринский цзянь-цзюнь. 19 декабря 1900 г. представитель Русско-Китайского банка в Гирине С.Б. Габриэль сообщил о его просьбе предоставить заём в 1 млн. лан на 5–6 лет под гарантии ввозных пошлин на товары⁸⁷. В этом случае С.Ю. Витте потребовал, чтобы такой крупный заём получил признание Пекина и обеспечивался бы вкладом Китая в Русско-Китайский банк, составлявшим 5 млн. тазлей⁸⁸. Обращение в Пекин местных администраторов вызвало сильное недовольство центральной власти. Правительство согласилось лишь на подтверждение займа мукденскому цзянь-цзюню в 280 тыс. лан под 8% годовых⁸⁹.

Позиция китайской центральной власти послужила холодным душем для представителей Министерства финансов, поддерживавших просьбы китайских губернаторов. Д.Д. Покотиллов и другие ошибочно считали, к примеру, что мукденский цзянь-цзюнь добивался получения ссуды. На самом деле он вел себя пассивно «и только, казалось, говорил так: если желаете управлять через мое посредство, то вы должны доставить мне и все необходимые для сего средства, в противном же случае я отказываюсь, вам придется допустить дальнейшее господство нелюбимой управлением дороги солдатчины или же разыскать другое средство остаться негласными хозяевами Маньчжурии»⁹⁰.

⁸⁵ Подробнее об этом см. главу 8 «Россия и Китай в 1900–1903 гг.: конец экономической экспансии».

⁸⁶ Д.Д. Покотиллов – П.М. Романову 8 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.883. Л.1; А.Ю. Ротштейн – Д.Д. Покотиллову 8 декабря 1900 г. // Там же. Л.2.

⁸⁷ Там же. Л.4.

⁸⁸ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 9 февраля 1901 г. // Там же. Л.89.

⁸⁹ Князь Цин и Ли Хунчжан – в Русско-Китайский банк 25 февраля 1901 г. (перевод) // Там же. Л.149.

⁹⁰ А.Э. Дмитриев-Мамонов – А.Ю. Ротштейну 12 апреля 1901 г. // Там же. Л.153 об.

У русских чиновников вдруг открылись глаза: им стало ясно, что китайский губернатор пытается извлечь из своего положения пользу, играя на их опасениях и недостаточной искущённости. Показательно, что агентам Русско-Китайского банка не удалось добиться даже того, чтобы мукденский цзянь-цзюнь стал постоянным клиентом их банка. Итог подвел А.Э. Дмитриев-Мамонов: «по моему мнению, наше господствующее положение в чисто банковском деле не должно быть основано на договорах, вынужденных силой»⁹¹.

В тех обстоятельствах осторожность С.Ю. Витте и А.Ю. Ротштейна в выдаче кредитов оказалась оправданной. Однако и их позиция, и позиция Д.Д. Покотилова, полагавшего необходимым предоставлять займы для создания зависимости местной администрации от банка, имела как свои плюсы, так и свои слабые стороны. Понятно желание Д.Д. Покотилова и других представителей России стремиться к максимальному расширению своего влияния, несмотря на то, что это требовало значительных затрат. Понятна также и позиция С.Ю. Витте, не имевшего возможность расходовать весьма крупные суммы из государственной казны на цели, реализация которых не сулила быстрой экономической отдачи. Но такое положение исключало возможность достичь желаемого, а именно – финансового и экономического господства России в Маньчжурии при небольших вложениях и без опоры на силу. Метод «экономического» колониализма, избранный С.Ю. Витте, требовал таких затрат, которые не могла выдержать экономика Российской империи, и мобилизация казённых ресурсов под видом псевдочастного банка не спасала положения. Нельзя сказать, что действия министра финансов оказались во всем ущербны, но эффективность их была невысока и с определённым разочарованием ему пришлось столкнуться уже в 1901 г.

Не принесла ощутимых успехов и реализация другой составляющей финансовой зависимости местных властей от России. Когда все три губернатора Маньчжурии обратились в Русско-Китайский банк за деньгами, Министерство финансов пожелало получить от них в качестве ответной любезности ряд концессий (всё равно, на банк или на общество КВЖД) на разработку месторождений золота, угля, леса и т.п. Отчасти это рассматривалось как компенсация за ущерб, причинённый боксёрским восстанием КВЖД⁹². Вообще говоря, скупка концессий – не банковское дело, тем более, что в уставе Русско-Китайского банка такая деятельность не предусматривалась. Но в тех конкретных условиях, когда частный русский капитал практически отсутствовал, банк взял на себя его функции. Эта операция противоречила проводимой

⁹¹ Там же. Л.153 об.

⁹² И.П. Шипов – Д.Д. Покотилову 6 февраля 1901 г. // Там же. Оп.29. Д.66. Л.153–154. См. также главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

до этого линии банка на прибыльность всех своих действий. Дело в том, что интерес к концессиям в Маньчжурии был невысок, серьёзных конкурентов у банка не наблюдалось. Поэтому ликвидность приобретаемых прав находилась под большим сомнением. Позднее российский дипломат И.Я. Коростовец считал, что переход банка к подобным политическим операциям стал переломным моментом в его истории и заложил основу для будущего кризиса кредитного учреждения⁹³.

Возможно, что не коммерческий, а именно политический характер операций был причиной того, что банк вяло отнесся к поставленной задаче. Кроме того, он не располагал соответствующим штатом для проведения такой работы. Поэтому наибольшую активность в приобретении концессий проявили не агенты банка, а российские дипломаты и военные. Так, в Гиринской провинции переговоры о предоставлении концессий вёл представитель Министерства иностранных дел В.Ф. Люба⁹⁴. Он добился того, что 2 марта 1901 г. гиринский цзянь-цзюнь заключил соглашение с Русско-Китайским банком, согласно которому за банком закреплялось, наряду с китайскими и российскими подданными, преимущественное право на получение всех концессий. Но его усилия в основном оказались напрасны. Через год тот же В.Ф. Люба констатировал полную неудачу русских концессионеров–золотодобытчиков в Гиринской провинции Китая. Н.В. Асташев, Российское золотопромышленное общество и Верхне-Амурская компания вели себя очень осторожно, занимались мелочами. Наиболее энергичный концессионер – дворянин А.А. Троицкий – заложил несколько десятков шурфов и 7 буровых скважин. Китайцы ждали от предпринимателей обогащения для казны и хороших заработков для населения. «На деле оказалось: мелочничество и грошовая экономия на миллионном деле, требующем одновременно крупных затрат, бездеятельность и стремление оттянуть время разведок на возможно долгий срок». Следствием было недовольство русскими со стороны местных властей и «вызывающе-озлобленное отношение китайцев»⁹⁵.

В Хэйлунцзянской провинции банк вообще не предпринял каких-либо действий по приобретению концессий из-за отсутствия «подходящего опыта»⁹⁶. Тем не менее, русские дипломаты сообщали о превосходной деятельности

⁹³ И.Я. Коростовец – в МИД 19 марта 1909 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.603. Л.118 об.

⁹⁴ В.Ф. Люба – Е.И. Алексею 24 февраля и 3 марта 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.6–7, 9. В.Ф. Люба считал, что монопольное право Русско-Китайского банка на концессии в Маньчжурии нанесет ущерб русским частным предпринимателям (Романов Б.А. Указ. соч. С.371).

⁹⁵ Донесение В.Ф. Любы в МИД 28 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.776. Л.78–82.

⁹⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.375.

Русско-Китайского банка в Южной Маньчжурии (получил в свое распоряжение 16 концессий на наиболее известные месторождения) и одновременно отмечали недостаточность штатов южно-маньчжурского отделения банка и плохие условия для его деятельности. Кроме того, «по какому-то странному недоразумению, по мнению дипломатов, деятельность банка в разрешении горного вопроса отчасти парализовалась заявлением цзянь-цзюню уполномоченного КВЖД, что ни одно разрешение на разработку горных богатств в провинции не может быть выдано кому бы то ни было без ведома и согласия железной дороги»⁹⁷. Д.Д. Покотилов же вместо соответствующих действий начал жаловаться на В.Ф. Любу в Министерство финансов: якобы он неблагоприятно относился к банку и своими действиями затруднял получение концессий⁹⁸. Д.Д. Покотилов был в принципе против широких прав российских дипломатов на выдачу концессий, полагая, что всю эту деятельность следует сосредоточить в Русско-Китайском банке⁹⁹. В общем, число концессий, приобретённых банком, оказалось невелико, и они не сыграли заметной роли в русской политике в Китае¹⁰⁰.

Неудача банка в деле концентрации концессий на территории Маньчжурии, находившейся под русской оккупацией, вызывает некоторое недоумение. Незначительность результатов (полтора десятка концессий) трудно объяснить приведёнными аргументами: какой бы ни была неповоротливость банка, как бы С.Ю. Витте не стремился экономить государственные средства, все это скорее второстепенные, чем существенные причины. Можно предложить другое объяснение столь странной активности министра финансов: в это же время начала масштабно разворачиваться авантюра безобразовцев, намеревавшихся заняться тем же – скупкой концессий. Не исключено, что действия С.Ю. Витте диктовались отчасти и интересами соперничества с появившимися политическими оппонентами. Иначе говоря, министр финансов интересовался не только приобретением концессий, но и тем, в чьи руки они попадут. На такое предположение наталкивает, в частности, стремление С.Ю. Витте контролировать даже те концессии, которые уже находились в руках российских подданных. Так, министру финансов не понравилось условие, попавшее в договоры с цзянь-цзюнями, которое обуславливало предоставление концессий согласованием с чиновниками

⁹⁷ Сообщение представителя МИД в Мукдене П.М. Лессару 22 августа 1902 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1019. Л.64–64 об.

⁹⁸ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 31 марта 1902 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.11. Л.286–288. О сознательных препятствиях российских властей Русско-Китайскому банку в Маньчжурии также писал Б.А. Романов (Указ. соч. С.372–373).

⁹⁹ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 26 декабря 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.83. Л.57а – 58.

¹⁰⁰ Согласно ежегодным отчётам, все отделения банка, за исключением Петербурга и Москвы, обладали пакетом ценных бумаг стоимостью примерно в 1,5 млн. руб., а в 1903 г. – и того меньше – всего на 857 тыс. руб.

Министерства иностранных дел¹⁰¹. Спустя некоторое время, когда деятельность безобразовцев начала оживляться, С.Ю. Витте попытался настоять на том, чтобы Министерство иностранных дел давало своё согласие на передачу концессий только по рекомендации Министерства финансов¹⁰². В.Н. Ламздорф не понял подоплёки виттевского письма и с некоторой обидой ответил, что его ведомство и так всеми доступными для него средствами содействует получению концессий российскими подданными. Не добившись результата, С.Ю. Витте, по-видимому, махнул рукой на непонятливого коллегу, решив не посвящать его в тонкости своей политической борьбы.

Помимо концессий Русско-Китайский банк, пользуясь ситуацией, попытался захватить в свои руки контроль над денежным обращением в Маньчжурии (в принципе такие действия были нетипичны для обычного коммерческого банка, но вполне соответствовали роли и функциям банков колониальных). В частности, открытие гиринаского монетного двора состоялось только после заключения специального соглашения с Русско-Китайским банком. По нему банк устанавливал контроль за деятельностью двора на три года, вводил фиксированный курс китайских денег. Одновременно допускалось параллельное хождение наравне с ними российских ассигнаций¹⁰³.

В конце 1901 г. Русско-Китайский банк оказался в центре переговоров России с Китаем по вопросу об эвакуации Маньчжурии. Чтобы сохранить за собой господствующее экономическое положение в северных провинциях Китая, российское правительство одним из условий вывода войск поставило соглашение Пекина с Русско-Китайским банком о том, «что в Маньчжурии оно не будет никому давать никаких железнодорожных и промышленных концессий, ранее не предложив их банку»¹⁰⁴. Одновременно предполагалось заключить специальное соглашение Русско-Китайского банка с российским правительством о том, что всякие действия банка с концессиями должны предварительно получить одобрение Министерства финансов¹⁰⁵. Соглашение не состоялось из-за сильного сопротивления китайского правительства, поддержанного рядом держав, в частности США¹⁰⁶. Однако С.Ю. Витте продолжал настаивать на том, чтобы все концессионные дела в Маньчжурии были закреплены за

---

¹⁰¹ Романов Б.А. Указ. соч. С.371.

¹⁰² С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 31 декабря 1901 г. // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.1019. Л.2 об.

¹⁰³ В.Ф. Люба – И.Я. Коростовцу 3 января 1901 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.110. Л.1–2; В.Ф. Люба – Е.И. Алексееву 24 февраля 1901 г. // Там же. Л.6–7.

¹⁰⁴ С.Ю. Витте – Ли Хунчжану 27 июля 1901 г. (цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.323–324).

¹⁰⁵ Проект соглашения опубликован Б.А.Романовым (Указ. соч. С.326–327).

¹⁰⁶ Там же. С.345–346.

Русско-Китайским банком¹⁰⁷. Возможно, что в связи с планировавшейся ключевой ролью банка в Маньчжурии была подготовлена и 22 июня 1902 г. выпущена еще одна эмиссия акций Русско-Китайского банка (20 тыс. акций на 3 750 000 руб.), Министерство финансов приобрело весь тираж¹⁰⁸. Число акций банка, находившихся в распоряжении Министерства финансов, превысило после этого 33 тыс. штук, что укрепляло контроль ведомства над банком.

Вскоре С.Ю. Витте отказался от идеи сделать Русско-Китайский банк концессионным монополистом в Маньчжурии. Возможно, что причинами этого явились и сильное сопротивление китайцев, и наличие формального повода – в уставе банка не была предусмотрена деятельность по концентрации горнорудных концессий, и не слишком удачные действия кредитного учреждения по приобретению концессий. Пожалуй, самым удачным приобретением банка можно рассматривать пакет ценных бумаг на часть фушуньских угольных копей, что, правда, было сделано не без нарушений китайского законодательства¹⁰⁹. Также важным аргументом могло стать и то, что официально-монополярная роль банка способствовала усилению в нём негативных тенденций. Летом 1903 г. в отделениях банка на Дальнем Востоке царила анархия и враждебное отношение служащих друг к другу¹¹⁰.

Отказ Пекина предоставить Русско-Китайскому банку преимущественные права по эксплуатации недр Маньчжурии, а также якобы введенный Пекином запрет на выдачу концессий русским (что не соответствовало действительности) С.Ю. Витте использовал как аргументы во всеподданнейшем докладе, чтобы обосновать необходимость создания специальной псевдочастной компании «Маньчжурское горнопромышленное товарищество»¹¹¹. Министр финансов создал ещё одну псевдочастную структуру, которая по его замыслу должна была приобретать концессии на частные лица за казённый счет и чей уставной капитал в 1 млн. руб также оплачивался государством. Отношения между новым товариществом и Русско-Китайским банком оформлялись спе-

---

¹⁰⁷ Там же. С.369.

¹⁰⁸ Там же. С.376.

¹⁰⁹ В 1902–1904 гг. Русско-Китайский банк приобрёл сначала 600, а затем ещё около 500 паёв китайского общества Хуа-синь-ли, которой принадлежали права на Фушуньские угольные копи (из общего количества в 1600). Однако согласно китайским горным правилам, участие иностранного капитала не должно было превышать 50% (Заключение Н. Глазберга о правах Русско-Китайского банка на Фушуньские копи 21 ноября 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.82. Л.3–8). Позднее банк передал эти паи Маньчжурскому горнопромышленному товариществу, которое, в свою очередь, 1 марта 1904 г. уступило их обществу КВЖД, чего делать не имело права.

¹¹⁰ Доклад М. Верстрата 4 июля 1903 г. // *Quested R. Op. cit.* P.11.

¹¹¹ РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.152. Л.18–20. Согласие Николая II последовало 5 июля 1902 г.

циальным соглашением. С.Ю. Витте настолько торопился, что текст этого документа был подписан 27 июня 1902 г. – ещё до официального одобрения товарищества Николаем П. Договор носил максимально абстрактный характер: банк заверял Маньчжурское горнопромышленное товарищество в своей поддержке без всяких конкретных обязательств, со своей стороны, товарищество в ответ обещало, если оно по выплате паёв получит от своей деятельности прибыль, поделить её с Синорусом пополам¹¹². Однако замена банка на товарищество не привела к заметным результатам: новая структура также не преуспела в экономическом подчинении Маньчжурии русскому влиянию¹¹³.

Русско-японская война 1904–1905 гг., поражение в ней России радикально изменили содержание российской политики на Дальнем Востоке, что существенно сказалось на положении Русско-Китайского банка.

В марте 1906 г. Министерство финансов отказалось от использования банка в качестве инструмента для реализации своих политических целей на Дальнем Востоке. Ведомство решило продать пакет акций банка, находившийся в распоряжении казначейства (33 346 акций на номинальную сумму в 6 233 625 руб.). Первым покупателем стал Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк, которому 11 марта 1906 г. было «уступлено» 12 тыс. акций по льготной цене в 260 руб. за штуку¹¹⁴. Открытые коммерческие продажи (всего их оказалось 24) проходили с 24 марта по 4 мая 1906 г., на них разными партиями (от 100 до 3750) реализовали

---

¹¹² Договор между Русско-Китайским банком и Маньчжурским горнопромышленным товариществом 27 июня 1902 г. (нотариально заверенная копия) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.265. Л.296.

¹¹³ К 1904 г. товарищество успело приобрести концессии на разработку полезных ископаемых в двух уездах Мукденской провинции, Цзяпигоусские золотые рудники в Гиринской провинции, а также получило от Русско-Китайского банка контрольный пакет акций Фушуньских угольных копей. Из 1600 платных и 400 бесплатных паёв Фушуньских копей Русско-Китайскому банку принадлежало 175 бесплатных (43,75%), также он приобрел 1147 платных (71,7%). Но контроль над копиями остался шатким: по китайскому законодательству иностранцам могло принадлежать не более 70% паев, нарушение пропорции делало обладание незаконным с вытекающими последствиями. Деятельность товарищества была остановлена в августе 1905 г. по инициативе министра финансов В.Н. Коковцова (Справка о Маньчжурском горнопромышленном товариществе 4 мая 1906 г. // РГИА. Ф.560. Оп.41. Д.82. Л.48–51; Романов Б.А. Указ. соч. С.380–381). Подробнее см. главу 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке: радужные надежды и разочаровывающая реальность».

¹¹⁴ Банк приобрел ещё 2 000 акций по цене от 301 руб. 25 коп. до 304 руб.

21 146 акций¹¹⁵ (включая и те 2 000, которые приобрёл Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк) по цене от 302 до 318 руб. за акцию. Казначейство выручило за них 6 565 303 руб. 48 коп. Всего оно получило после продажи 9 660 541 руб. 57 коп., затратив на их приобретение в своё время 7 414 556 руб. 16 коп.¹¹⁶

Контроль над Русско-Китайским банком перешёл в руки французов. Деятельность банка в Китае была подвергнута санации: закрыт ряд бездоходных к тому моменту отделений в Гирине, Мукдене, Калгане и др. (в 1911 г. их число сократилось до 27); почти прекратились операции в Маньчжурии. Значительно возродил кредит банка: за учёт векселей бралось 12%, ссуды под залог выдавались не менее чем под 10–11%. Но даже и при таких условиях банк часто отказывал в выдаче кредитов¹¹⁷. В результате монопольное положение Русско-Китайского банка в Маньчжурии быстро сошло на нет, успешную конкуренцию ему составили не только японские, но и китайские банки. «От грандиозного по мысли предприятия, долженствующего усилить влияние России на Востоке и содействовать нашей торговле, осталась лишь мелкая банкирская контора, где под фирмой двух крупных держав работают для своих выгод иностранные капиталисты» – таков оказался итог всего предприятия¹¹⁸.

---

¹¹⁵ 200 акций находились в пае правления Русско-Китайского банка в качестве залога за чиновников Министерства финансов Л.Ф. Давыдова и С.С. Сольского.

¹¹⁶ РГИА. Ф.565. Оп.10. Д.39381. Л.77–78, 129.

¹¹⁷ [Позднеев Д.М.] Экономические нужды Дальнего Востока // Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения. Архив востоковедов. Ф.44. Оп.1. №73. Л.4.

¹¹⁸ Слова агента Министерства финансов в Шанхае Л.Ф. Гойера, процитированные в донесении И.Я. Коростовца в МИД 19 марта 1909 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.603. Л.123.